

Борис Машук

ЗА КИСЛИКОЙ-ТРАВОЮ

**фрагмент рассказа «За кисликой-травой»
из книги «Горькие шанежки»**

Живя на маленьком полустанке, семилетний Шурка Орлов сделал для себя открытие... Он узнал, что зимой жить скучнее, чем летом, а на короткой дороге интересного всегда меньше.

Открыл он это не сразу. Сначала-то времена проходили вроде бы одинаково. И все дорожки для него, четырёхлетнего, были длинными и даже опасными. Вот шёл он как-то один, к озеру по тропке через огород. Тут из картофельной ботвы ка-ак выскочит какой-то зверь с чёрными полосками на рыжей спине и задранном вверх хвостом. Да ещё и засвистал-заверещал! Шурка от испуга бросился назад, к дому и к матери, но остутился, шлепнулся на пузо, и тут уж одно спасение оставалось – зареветь во всю силу.

Но то время, когда Шурка бурундуков пугался, давно миновало. Вот уже второй год он живёт в доме деда, хорошо изучил ближнюю округу с её дорожками и дорогами. И теперь делит их на короткие и длинные. Короткие ведут к хорошо знакомому. Одна из них начинается от крыльца. Спускаясь между полосками огорода, приводит она к берегу озера. Эта дорожка тянется всего на сто шагов. Столько насчитал Шуркин дядька Клим, когда стрелял из ружья по мишени.

Ну, про дорожку до стайки, где живут корова Белянка, бык Пушкарь, кабанчик Васька и табушок канительных куриц, и говорить нечего. В ней и тридцати шагов не наберётся. То ли она есть, то ли нет её вовсе. Да ещё посредине этого пути кладовушка с дровами, около неё козлы и огромный, затюканный топорами чурбак.

Шуркин дед – пенсионер-железнодорожник – жил за линией, где всего два дома стояло: самого деда и ещё казённый, на две половины. Одну половину занимали Ломовы, другую – Варнаковы. Остальные железнодорожники жили по другую сторону пути. В одном месте из-за насыпи поднималась крыша длинного станционного здания, а в другом – крыши ещё трёх домов, называемых вместе почему-то казармой.

Туда-то, к станции и казарме, от дедова двора вели ещё две короткие дорожки. По одной ходили к поезду и колодцу, по другой – со следами тележных колёс – добирались до переезда через линию и к широкой песчаной дороге между полустанком и деревней, стоящей на покатам бугре вдоль пади с озёрами и речкой Безымянкою посредине.

Широкая эта дорога вначале была длинной для Шурки. Года полтора назад вместе с бабушкой, которая видела плоховато, сходил он по этой дороге в деревню. С той поры запомнил шаткий мосток через речку, гудящие трактора на машинном дворе колхоза, густые черёмуховые сады у деревенских домов и две высокие, как семафоры, лиственницы у ворот охотника Романа Пронова – хорошего знакомого Шуркиного деда. Долгое было то путешествие.

А теперь Шурка и эту дорогу короткою называет. Привык: целый год бегал по ней в деревенскую школу. Правда, в осенние холода и зимой она не всегда бывала короткой. Особенно когда ветер. Против него пока до школы дотопаешь – нос синей сливой становится. Но как только крепчал лёд, Шурка вместе со своим одноклассником Петькой Варнаковым и друзьями со станции бегал в школу напрямик через озеро.

На этом Шуркины дороги, считай, что кончались. Отчего другой раз скучно ему бывало. Двух лет не прожил у деда, а всё вроде бы знает. И чего не знать-то? Озеро с речкою рядом. До станции или на казарму совсем быстро добежать можно. А там и каждое крылечко известно, и тополя, что дома окружают, почти все знакомы в лицо. У одного, вон, дуплина до самого компля протянулась, у другого нижняя ветка засохла, и на ней устроили

качели на толстых веревках... Есть тополь, на котором воробьишки всегда собираются, а у самого большого дерева корни широко раскинулись и выступают из земли, как вены на тёмных руках Шуркиного деда.

На станции и на казарме, понятное дело, много чего интересного бывает. Там ребятшек полно, разные люди приезжают и уезжают, местный поезд останавливается. Но вот хотелось Шурке дойти до конца широкой дороги. Она проходила через переезд и, разделяя дома, утягивалась за покосы. Для Шурки дорога кончалась у ближних кустарников на равнине. Но прошлым летом, играя с дружками, забрался он на чердак казарменского дома. Глянул оттуда и, удивлённый, даже затих. Дорога-то, оказывается, у тех кустов не кончалась. Да многое там не кончалось: ни небо, ни покосы, ни сами кусты. За ними лес начинался и сопки, спины которых поднимались одна за другой, будто в том месте разлеглись на отдых большие коровы. В те сопки и уползала дорога.